

strength of stimulus to rapidity of habit-formation. *Journal of Comparative Neurology and Psychology* 1908, №18, 459-482.

25.Zizzo, D.J. Empirical Evidence on Interdependent Preferences: Nature or Nurture? *Cambridge Journal of Economics*, 2003, № 27, pp.867–880.

26.Zizzo D. J. Anger and economic rationality. *Journal of Economic Methodology*, 2008, № 15:2, pp.147-167.

Статья поступила в редакцию 30.01.2013

С.В. КУЗЬМИНОВ, к.э.н., доцент,
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Рассмотрена проблема реализуемости проектов институционального конструирования. Обоснована необходимость институционального мониторинга реализации проекта институционального конструирования. Анализ проведён на примере формирования института защиты личных прав граждан в Украине.

Ключевые слова: институциональное конструирование, институциональный мониторинг, защита прав граждан.

Вопросы институционального конструирования можно считать одними из наиболее популярных в институционализме. В той или иной мере им посвящены не только работы классиков экономической теории и социологии (начиная с Т. Веблена [1] и М. Вебера [2]), но и относительно недавние исследования А. Архиреева [3], В. Вольчика [4], А. Гриценко [5], В. Дементьева [6], А. Задой [7], С. Кирдиной [8], В. Полтеровича [9] и др. Несмотря на исключительно основательный и многоплановый анализ институциональной структуры общества вообще и национальных экономик Украины и России в частности, проблему ещё рано считать полностью исследованной. Так, взяв на вооружение технический термин «конструирование», следовало бы пойти в области социально-институционального проектирования дальше, а именно: дополнить проекты инструментами диагностики того, насколько получающийся институт соответствует проектным параметрам. Однако без проверки соответствия новообразованных институтов требуемым показателям реализация проектов социально-институционального конструирования имеет так же мало шансов на успешную реализацию, как и успешное завершение сборки реактивного самолёта без проверки соответствия деталей технологическим допускам. Цель дан-

ной статьи – обосновать необходимость мониторинга институтообразования на примере формирования института законопослушности членов общества.

Кризис мирового хозяйства стимулирует возвращение к жизни старых и формирование новых теорий, объясняющих его наступление и предлагающих способы его санации. В частности, вновь популярными становятся исследования в области политической экономии. В то же время возникает угроза необоснованного отторжения ранее разрабатывавшихся теорий, как это произошло с наработками периода существования СССР. Соответственно, возникает необходимость обеспечения преемственности вновь разрабатываемой политической экономии и других школ. Построение одного из возможных методологических «мостиков» между неинституционализмом и новой политической экономией и представляет цель данной статьи.

Проблема построения более здоровой и эффективной экономики – это во многом проблема построения более эффективного общества. Экономическая теория как одна из общественных наук тоже должна внести свою лепту в разработку теории и методов построения такого общества. Такая трактовка смысла экономико-теоретических исследований далеко не нова. Именно с точки зрения «правильного» устройства общества экономические отношения рассматривались в Древнем Египте, Древней Индии, Древнем Китае и Месопотамии.

Радикальные выводы из марксистского анализа рыночной экономики подтолкнули экономистов Запада к преднамеренной деполитизации и деидеологизации экономической

© С.В. Кузьминов, 2013

науки и дистанцированию от субъективной составляющей процесса распределения общественного богатства. Однако это пошло не на пользу как науке, так и обществу. Значительный разрыв между подчеркнуто аполитичной экономической наукой и насквозь политизированной хозяйственной практикой на постсоветском пространстве неуклонно влечёт за собой как падение интереса к экономической науке (что легко заметить глядя на изменения в учебных планах подготовки специалистов неэкономических специальностей ВУЗов), так и падение качества ведения хозяйства (о чём свидетельствует значительное отставание в темпах экономического развития от развитых и даже многих развивающихся стран). Налицо конфликт теории и практики, причём страдают от этого конфликта обе стороны.

Не претендуя на окончательность, укажем всего лишь несколько причин рассогласования теории и практики экономической деятельности:

1. Исходные данные для экономико-теоретического анализа оказываются недостаточными в связи с тотальным расширением понятия «тайна хозяйственной деятельности». Будучи отрезанными от актуальных данных, теоретики не могут анализировать реальную ситуацию, из-за чего у практиков складывается впечатление о бесполезности теории.

2. Экономические теории, будучи не только инструментами описания реальности, но и инструментами демонстрации своего интеллектуального превосходства в научной среде, становятся слишком сложными для восприятия неподготовленным слушателем. Поскольку многие практики не являются такими подготовленными слушателями, то, избегая психотравмирующей ситуации, они избегают и встреч с такими теориями.

3. Многие теории, концентрируясь на ответах на вопрос «кто виноват» и «что делать», забывают дать ответ на вопрос «как делать». В то же время практики часто не имеют достаточного уровня знаний и навыков для того, чтобы ответить на этот вопрос самостоятельно. В результате гораздо проще проигнорировать проблему, рассмотренную теоретиком, чем искать её решение на практике.

Если бы не успехи разного рода тренингов и «гуру» от маркетинга, менеджмента и т.п., успешно продвигающих свой продукт в сознание членов общества, то можно было бы считать, что эти проблемы на постсоветском пространстве решить невозможно, так как все

они прочно вплетены в систему сложившихся социально-экономических институтов. Так, тотальная хозяйственно-коммерческая тайна выработалась как стойкая защитная реакция против различного рода экспроприаторов – налоговых органов, рэкета, рейдеров и т.п. Причём устойчивость этой реакции такова, то тайной зачастую становится даже самая безобидная информация, что свидетельствует уже о формировании института тайны, а не об осознанной рациональной реакции хозяйствующих субъектов. Аналогично, неумение управленцев осваивать теоретический материал тоже можно считать случайным неблагоприятным для страны стечением обстоятельств только с большой натяжкой. Эти люди занимают эти должности только потому, что именно такой образ жизни и манера поведения в наибольшей мере способствуют карьерному росту в сложившейся системе общественных институтов. Иными словами, все случайности экономической и политической жизни общества мы склонны считать неслучайными и жёстко обусловленными теми институтами, которые доминируют в общественном сознании.

Рассмотрение сложившейся системы институтов на постсоветском пространстве выходит за рамки данной статьи. По нашему мнению, сейчас гораздо важнее не выяснять «кто виноват» (т.е. какие институты порождают низкую эффективность украинской экономики и политики), а «что» и главное «как» делать.

С учётом тезиса об обусловленности всего происходящего в обществе имеющимися общественными институтами ответ на вопрос «что делать» может быть только один – создавать новые, более эффективные институты. Однако как узнать заранее, какие институты окажутся в данном обществе более эффективными? На очевидную национальную специфику в данном вопросе указывает А. Либман [10]. Кроме того, опыт быстрого развития Китая в XIII в., проанализированный У. МакНилом [11] и Великобритании в XVIII – XIX вв., представленный в работе Д. Нортона [12] не обеспечил этим странам сохранения своих позиций на мировой арене в последующие годы.

Вероятно, выбор эффективных институтов – процесс, не подлежащий удовлетворительной алгоритмизации, а значит, он всегда будет оставаться в области искусства управления и не станет процедурой управления. Однако процесс создания общественных институтов

в общих чертах выглядит одинаково как для эффективных и общественно продуктивных (т.е. способствующих общественно-экономическому прогрессу), так и для деструктивных институтов, ведущих общество к деградации и распаду. Более того, негативный опыт радикальных реформ на постсоветском пространстве подталкивает к более осторожному подходу, основанному на частичных реформах, как это советует делать Ж. Ролан [13].

Такой градуалистский подход (помимо прочего) позволяет понять, что институциональные реформы – процесс не единовременный, а постоянный. Ложная уверенность в том, что достаточно напрячься и пережить некоторый переходный период, перетерпеть временные трудности институциональной трансформации, а затем всё будет хорошо, неизбежно сыграет злую шутку с большинством членов такого общества. Наоборот, процесс разрушения старых и создания новых институтов продолжается постоянно, независимо от того, планируем ли мы этот процесс или нет. Причём нет никакой разницы, о каких институтах идёт речь – об институтах в сфере экономики, политики или где бы то ни было ещё.

В нашем понимании институтов мы полагаем правильным в целях упрощения теории вернуться к узкому пониманию этого термина, которое удобно представить в виде перечня тезисов:

1. Нет никаких институтов за пределами человеческого сознания. Все формальные договорённости и организации являются институтами не более, чем отпечаток человеческой ступни на песке является частью человека.

2. Нет никакого надличностного сознания. Институт является общественным только постольку, поскольку достаточно большое количество индивидов воспринимают мир через призму данного института.

3. Институт – способ восприятия окружающей действительности, основанный на частичной редукции причинно-следственных связей. Отличительным признаком института является игнорирование промежуточных триггеров при установлении связей между первоначальным раздражителем и конечной реакцией индивида.

Соответственно, процесс институтообразования следует изучать только на уровне индивидуальной психики. И в этом вопросе есть возможность обратиться к психологии, а точнее, к бихевиоризму Б. Скиннера [14, с. 77 – 88]. Это направление современной психологии

изначально формировалось как экспериментальное. Развивая опыты И. Павлова, Б. Скиннер исследовал процессы выработки устойчивых привычек у животных, сопровождая их действия стимулами-подкрепителями в виде порций лакомств или, наоборот, раздражителями в виде электрических разрядов. Критики бихевиоризма обращают внимание на то, что автоматическое перенесение результатов исследований с крыс, нажимающих на педаль, и голубей, клюющих раскрашенный круг, на человека является довольно рискованным шагом. Однако число сторонников бихевиоризма в психологии не менее значительно, чем число критиков, и по крайней мере элементы бихевиоризма с успехом используются в практической деятельности.

С точки зрения институтообразования среди выявленных результатов следующие представляют наибольший интерес:

1. При непрерывном графике подкреплений (каждое «правильное» действие вознаграждается) выработка навыка происходит гораздо быстрее, чем при прерывистом графике (вознаграждаются только некоторые действия).

2. Частота нажатий крысой на педаль резко возросла после третьей-четвёртой успешной попытки при непрерывном графике. При прерывистом графике таких попыток должно произойти больше. Однако и в том, и в другом случае после выработки навыка он довольно долго не угасал даже после прекращения подкреплений. Описаны случаи, когда голубь прекратил клевать круг, сделав более 10000 безуспешных попыток. Другой голубь вновь принялся клевать круг, попав в клетку для экспериментов после 6-летнего перерыва.

3. Для выработки навыка наличие причинно-следственных связей между выполняемым действием (нажатие на педаль) и вознаграждением (получение корма) является необязательным. При прерывистом графике подкрепления иногда проявлялись эффекты «суетливых» действий – голуби при клевании поворачивали голову в определённое место клетки, а крысы при нажатии на педаль могли приподнимать также лапу или хвост.

4. Если в какой-то момент позитивное подкрепление (корм) заменялось на негативное (удар током), то после восстановления позитивного подкрепления ранее обученные животные приучались снова нажимать на педаль для получения корма существенно медленнее, чем те, которые не имели такого негативного опыта.

Хотя аналогии с нерациональным поведением людей в рамках институтов и суеверным поведением крыс в «ящике Скиннера» представляются весьма очевидными, остаётся вопрос: «Насколько похожи психика человека и психика животного применительно к реакциям типа стимул-подкрепление?» Лабораторные эксперименты, полностью идентичные экспериментам с животными, на людях не проводились частично из этических соображений, а частично по техническим причинам в связи с невозможностью изолировать человека от его предыдущего опыта, однако это не доказывает неработоспособности теории Скиннера относительно человека.

Ответ на вопрос о границах применимости бихевиоризма при изучении институтов зависит от поставленной задачи. Если задача – исследовать то, как институты отражаются во внутренней психической жизни индивида, исследовать реальную специфику интернализации института каждым конкретным человеком, то бихевиоризм с его методологической установкой на изучение только проявленных психических реакций (преимущественно действий) для решения этой задачи совершенно не подходит. Если же задача более узка и утилитарна – создавать социально-экономические институты или разрушать их – тогда степень упрощения психики в бихевиористской методологии, предложенной Б.Скиннером, оказывается вполне адекватной.

В связи со спецификой отображения мира человеческой психикой избежать институтообразования практически невозможно. Другое дело, насколько соответствуют эти институты тому обществу, которое хотелось бы построить. Ответ на этот вопрос уже сам по себе достоин не только статьи, но большой монографии. Поэтому, не углубляясь в подробности, скажем, что версий может быть две:

1. Реальная цель полис-мейкеров (экономической и политической элиты, которую в современной Украине вряд ли стоит разделять) совпадает с официальной целью украинской политики – интеграцией с Европейским союзом. В этом случае эти творцы большой и малой политики должны бы поощрять появление институтов, совместимых с европейскими ценностями – законность, порядок, свобода личности, прозрачность власти, широкое привлечение общественности к формированию политики, равенство всех перед законом и так далее. Однако характер политических преобразований за последние два десятилетия свиде-

тельствует об ином.

2. Политическая и экономическая элита действует по сценарию неоклассического рационального максимизатора и старается использовать политическую и экономическую власть для личного обогащения, пусть и ценой обнищания прочих граждан и ослаблению экономических и политических позиций страны на международной арене.

Именно этот второй сценарий кажется более правдоподобным с учётом роста имущественной дифференциации на фоне деградации экономики, депопуляции, снижения качества образования, падения роли и престижа науки в обществе. В принципе, с точки зрения рационального и эгоистичного максимизатора в глобализированной экономике нет ничего страшного в том, чтобы извлечь «быстрые деньги» из своего нынешнего положения в обществе. Создав себе изолированный островок личного материального благополучия при наличии достаточного количества денег можно себя чувствовать комфортно и в полностью разорённой стране. Более того, чем беднее население, тем дешевле обходится поддержание этого индивидуального благополучия. А при желании отдохнуть от окружающей нищеты можно слетать в какую-нибудь в благополучную страну где-нибудь в Северной Европе.

Такой сценарий кажется весьма реалистичным. Тем более, что нечто подобное уже было на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. Достаточно вялые выступления менее обеспеченных слоёв вкупе с одним из самых высоких в мире показателей количества правоохранителей на душу населения дают основания полагать, что подобный центральноафриканский ход вещей может сохраняться очень долго.

Последовательно придерживаясь позиции методологического индивидуализма, не станем задавать вопрос «что может сделать общество?» (оно ничего не может сделать, ибо общество – всего лишь фикция и удобный термин для изложения некоторых мыслей), а спросим «что может сделать человек?», поскольку именно из реакций конкретных людей и складывается и общественное мнение, и общественная деятельность. История показала, что наиболее массовыми реакциями были:

1. Эмиграция. Количество трудовых эмигрантов из Украины оценивается в 3 млн. человек. С учётом упрощения процедуры получения польского гражданства (теперь гражданство может присвоить польский чиновник,

примерно соответствующий по рангу главе обладминистрации), значительная их часть может стать эмигрантами на постоянной основе.

2. Конформизм. Некоторые граждане пытаются найти свою нишу даже в таком глубоко дифференцированном обществе, пытаются перестать быть угнетёнными и стать хотя бы немного угнетателями. Наиболее деструктивным проявлением подобного рода реакции можно считать коррупцию на низовом уровне. Более продуктивная реакция – попытки создать собственное дело, хотя и в этом случае от необходимости включиться в коррупционные и полуправовые схемы уйти почти невозможно.

3. Активное сопротивление. Это сопротивление также может принимать разные формы: грабежи, вымогательство, политические протесты и даже революции. В любом случае, для массового проявления такого рода реакции степень ориентированности членов общества на допустимость насилия при решении своих проблем должна быть достаточно высокой. Иными словами, насилие должно институционализироваться, вспышки агрессии должны возникать без раздумий как автоматический ответ на проблемную ситуацию, поскольку осознанная, неинституционализируемая реакция гораздо реже приводит к насилию, так как насилие не решает проблему, а только трансформирует её с неопределёнными последствиями для агрессора.

Вызывает тревогу тот факт, что в украинском обществе ускоренными темпами происходит формирование института насилия. Так, по результатам мониторингового исследования влияния средств массовой информации на поведение школьников было установлено, что среди наиболее любимых школьниками фильмов были упомянуты «Один дома» – его указали 76,9 % респондентов (большая часть фильма демонстрирует нанесение увечий разной степени тяжести), «Пункт назначения» – 47,7 % (фильм повествует о неизбежности смерти и содержит реалистичные сцены масштабных разрушений и массовой гибели людей), «Гарри Потер» – 47,0 %, «Шрек» – 45,9 % (также содержит сцены убийств и травмирования, причём в игровой, гротескной форме), «Властелин колец» – 38,7 %. Что особенно тревожно – фильм «Пила» указали 28,3 % и это при том, что он построен на демонстрации детализированных сцен убийств, физического и психического насилия [15]. Неудивительно,

что только 50 % учеников относятся к демонстрации сцен насилия в СМИ негативно. Остальные – нейтрально или даже позитивно. Эти результаты интересно сопоставить с данными, полученными Б.Скиннером в экспериментах с людьми. Он установил, что демонстрация сцен насилия стимулировала желание испытуемых повышать напряжение тока для наказания другого испытуемого за допущенные ошибки (конечно, испытуемые не знали, что электроды были отсоединены). Тогда возникает вопрос: какое поведение воспитывается украинскими СМИ и к появлению каких институционализированных реакций индивидов приведёт их деятельность, если по данным выборочного обследования одного из центральных украинских телеканалов за 7 часов эфирного времени было продемонстрировано 17 сцен убийств и 11 сцен насилия иного рода?

Таким образом, пущенное на самотёк формирование институтов в области защиты прав каждого члена общества уверенно движется в сторону эскалации насилия. С одной стороны всё логично: никто не позаботится о Вашей защите так усердно, как Вы сами (если Вы, конечно, способны это сделать). Но с другой стороны образуется порочный круг: больше насилия на экране – больше предрасположенность к проявлениям насилия в реальной жизни – реальность становится более жестокой – фильмы, изображающие реальность становятся ещё жёстче. Такая самоусиливающаяся почти независимо от объективных условий реакция индивидов – признак формирования института, который можно назвать, скажем, институтом агрессии или институтом нелегитимного насилия. Статистика свидетельствует: более 37% граждан Украины считают, что от незаконного преследования со стороны правоохранительных органов (включая пытки в процессе дознания) может пострадать каждый, независимо от степени законопослушности и почти столько же опрошенных готовы защищать свои права силой, в том числе и с нарушением закона [16].

Значительный рост количества преступлений против личности (убийств, нанесения побоев, увечий и т.п.) – важный индикатор несоответствия институтов, формирующихся в обществе, технологическим требованиям институционального проекта цивилизованной рыночной экономики и больше соответствует дикому капитализму времён освоения Сибири и американского Дикого Запада. Такой путь построения рыночной экономики тоже возмо-

жен, но очень долго. Можно ли отшлифовать (фрезеровать, паять, сверлить, ковать) этот институт с тем, чтобы он соответствовал проекту «цивилизованное рыночное хозяйство»? Очевидно, да. Но для этого, памятуя опыты с крысами, несколько раз подряд на жалобу гражданина по поводу ущемления его прав государственная машина организованного насилия должна выдать лакомство в виде восстановления этих ущемлённых прав. И так для каждого гражданина.

Таким образом, институциональное конструирование должно обязательно дополняться институциональным мониторингом для обеспечения выполнимости социальных проектов.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен; Пер. с англ., вступит. статья С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылёва – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. [Текст] / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Архиереев С. И. Дуализм институциональной архитектоники и задачи рыночной трансформации [Текст] / С. И. Архиереев // Институційна архітектура та механізм економічного розвитку: матеріали симпозіуму. – Харків: ІЕП МОН України, 2005. – С. 85-88.
4. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики [Текст] : монография / В.В. Вольчик. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – 318 с.
5. Гриценко А.А. Совместно-разделённые отношения: институты – государство – власть [Текст] / А.А. Гриценко // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Вип. 40-2. – Донецьк: ДонНТУ, 2011. – С. 68 – 74.
6. 1. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? [Текст] / В.В. Дементьев // TERRA ECONOMICUS. 2009. – Т. 7. № 1. – С. 13-30.
7. Задоя А. А. Деиндустриализация в Украине: «двадцать лет спустя» [Текст] / А.А. Задоя // Академічний огляд. – 2012. – №1. – С.26-35.
8. Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация [Текст] / С. Кирдина // Вопросы экономики. – 2004. – №10. – С. 89-98.
9. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов [Текст] / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – №3. – С. 24-50.
10. Либман А.М. Эндогенные границы и распределение власти в федерациях и международных сообществах [Текст] / А.М. Либман. – М.: Институт экономики РАН, 2009. – 75с.
2. Мак-Нил У. В погоне за мощью: Технология, вооружённая сила и общество в XI-XX веках [Текст] / У. Мак-Нил; Пер. с англ. Тиграна Ованнисяна. – М.: Территория будущего, 2008. – 454 с.
12. North D. Institutions And Productivity in History / EconPapers [Электронный ресурс]; Ред. Sune Karlsson. – Электрон. дан. – Swedish Business School at Örebro University, 2010. – Режим доступа: <http://econpapers.repec.org/about.htm>, вільний. – Загол. з екрану. – Мова англ.
13. Ролан Ж. Экономика переходного периода [Текст] / Ж. Ролан; Пер. с англ. под ред. С.М.Гуриева и В.М. Полтеровича; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007. – 566 с.
14. Лефрансуа Г. Теории научения. Формирование поведения человека [Текст] / Г. Лефрансуа; Пер. с англ. Т. Пешкова; Ред. А. Гусев. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 288 с.
15. Рішення Національної експертної комісії України з питань захисту суспільної моралі від 06.09.2012 № 1 Щодо результатів моніторингового дослідження «Соціально-психологічний аспект впливу ЗМІ на підлітків загальноосвітніх навчальних закладів м. Києва» [Текст]. – К., 2012. – 35 с.
16. Тимошук О. Рейтинг неповаги. Чому українці не довіряють правоохоронцям? [Текст] / О. Тимошук // Юридичний вісник України. – № 5. – 4-10 лютого 2012.

Статья поступила в редакцию 30.01.2013